

Тихое присутствие Сергея Аверинцева

[Зуев Петр, свящ.](#)

Есть люди, чье тихое присутствие делает нашу жизнь более радостной и содержательной. Это качество особенно чувствуется на расстоянии, когда близкий вам человек в силу каких-то причин оказался вдали от вас – не важно в силу каких причин: оттого ли, что отправился в путешествие, приболел либо читает ныне лекции в одном из неблизких университетов. Душа таит живое воспоминание о друге, вынашивает вопросы, на которые бы вы хотели получить ответ именно от него, хочется обнять «беглеца» и просто взглянуть ему в глаза. Кажется, что сейчас чуть скрипнет дверь, и вы увидите на пороге знакомый силуэт, знакомое лицо, услышите знакомый, ставший вам дорогим голос.

Но наш друг – далеко, в каком-то другом пространстве, и кто-то другой взирает на него, спрашивает, напряженно вслушивается в тишину в ожидании ответа. Или – если он совсем далеко – на него взирает, Тот, Кто знает ответ нашего сердца еще до того, как оно пришло в движение: Господь Серцевидец.

Если он жив, то вы можете рассчитывать увидеть его еще здесь, он может появиться в этой стране, в этот день, в этой залитой солнцем комнате. Но если его здесь уже нет, то его присутствие будет иным: тот день не заканчивается, там сияет иное Солнце и другие «комнаты».

Но вы будете ждать все равно. Ждать тех таинственных «комнат», того, незаходимого Солнца, того, вечного, восьмого дня. И если ваше желание действительно было искренним, если вы в нем были достоверны, были самим собой, если оно углубило вашу душу, то вы обязательно встретитесь с дорогим вам человеком, пусть даже он и не был вам при жизни другом. В этом смысле у подлинного, молящегося за своего любимого автора, читателя есть даже больше шансов встретиться с ним, чем при жизни. «Там» нет далеких столиц, нет спешки, там нет «философа» и «сапожника», но каждый только собеседник – друг Божий и своего ближнего, то есть всякого, каждого, кто желает его видеть и слышать.

Но что же нам делать сейчас, когда мы еще живем в громком мире и далеки от этих тихих Божьих собеседников?

Может быть, просто вспомнить о них? Вспомнить о том, какими они были, о том, каким ненавязчивым, деликатным, и вместе с тем, насыщенным, было их присутствие...

За короткое время от нас ушел уже второй «беглец» – Сергей Сергеевич Аверинцев. Я называю его вторым, так как еще не оправился от первой потери – смерти митрополита Антония Сурожского. Владыка Антоний таял долго, как подобает подлинному старцу: худел, бледнел и только глаза горели как у мальчишки. Сергей Сергеевич уходил иначе, более трагично, как подобает подлинному поэту.

Сначала, весной прошлого года он уснул, попав после сердечного приступа в кому.

Над землей, где уснул ты неслышно,
стоит радуга звуков,
радуга пасхальной славы

...

Органист труды свои кончил,
Его руки сложены в покое,

– писал он о французском композиторе Оливье Мессиаэне. Так случилось и с ним. Что это было за состояние? Что он видел? Кто обращался к нему в этом таинственном сне? Не знаю, но думаю, что «там», в этом сне с ним был Христос, который сейчас вводит его в Свой дом.

Вспоминая о Сергее Сергеевиче, вдруг понимаешь почему нам так дорог не совсем точный перевод греческого «фос иларон» – «Свете Тихий», хотя, казалось бы, можно было перевести иначе – «свете радости». Слово «тихий» не только таит в себе пронзительную радость. Оно указывает на тот путь, которым эта радость приходит – путь самоумаления. Бог, самая большая радость нашей жизни, входит в нее как бы «украдкой», прячась в тишину, чтобы сохранить свободу Своего образа. Небесный царь оказывается «тишайшим», то есть смиренным, приносящим Себя в жертву.

Сергей Сергеевич был, очень талантливым, не побоюсь сказать гениальным человеком и о нем можно говорить как выдающемся филологе, замечательном переводчике... Все это так, но сегодня, я бы хотел несколько иначе распорядиться своим незаслуженным правом представить этого человека. Я буду говорить о другом – об одном из самых удивительных свойств личности Сергея Сергеевича: его гениальной, почти младенческой простоте («Будьте как дети!» -- просит нас Христос). Простоту его облика и кротость мысли, в которой в последнее время все чаще чувствовалась прозрачность исполненного солнцем моря... Простоту, которая так помогает ему переводить – ведь дар переводчика сродни дару простоты.

Последняя книга, которая вышла при жизни Сергея Сергеевича, – это «Псалмы Давидова». Она вышла в Киеве, который так любил Аверинцев, то есть совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Поэтому я позволю себе вспомнить сегодня о Сергее Сергеевиче, глядя на страницы этой книги...

«О, благо тому, кто совета с лукавыми не устроил
на стезю грешных не вступал, между кошунниками не сидел...»

Перевод, особенно перевод таких текстов как Давидовы Псалмы, требует не только эрудиции библеиста, не только богословской одаренности и знаний, но и уникального слуха. Слуха бытийного, сердечного. Псалмы Давида звучат изнутри нас, выражая всю полноту религиозного переживания – пронзительную радость и тихую печаль, одиночество, тоску богопокинутости и восторг встречи, безудержное восхищение Божиим миром и глубину покаяния в вопле отчаяния о самом себе, отторгающего нас от ставшего «своим» греха. Чудо Псалтыри в том, что здесь каждое слово вымолвлено перед лицом Живого Бога.

Псалмы это, прежде всего, личная молитва. Поэтому они столь драматичны, столь подвижны энергией сердца. Но это еще и очень «простая» поэзия: простая как в смысле метафизическом (в ней благодатно преодолена сложность, разделенность), так и в смысле поэтическом. Ведь в Псалмах нас удивляет не только глубина и интенсивность религиозного переживания, не одна лишь удивительная точность, с которой вербально выражен молитвенный опыт, но и простота - гениальная простота Давидовой поэзии, благодаря которой она стала «иконой» для религиозного переживания народа, словесным канонем всего «благочестивого рода христианского». В этой ошеломляющей, чудесной простоте псалмы походят на заключенную в бесцветии белого полноту цвета. Неожиданно

возникший из глубин существа молитвенный вздох превосходит нашу сложность, приобщая нас к целомудрию -- цельному, простому существованию, существованию в Боге. Мысль и чувство, крик и шепот, покой и движение - все это объединено Псалмопевцем в единый сплав, в единую мелодию сердца, которая по своей непосредственности и простоте похожа на звук пастушьей флейты. Все приходит к простоте, к святой песне простоты.

Здесь неожиданно всплывают в памяти такие изысканно простые (и такие трогательные в своей незащитной простоте) поэтические строки австрийского поэта Георга Тракля, переводам поэзии которого также посвятил немало времени Аверинцев:

«Пожухло золото дневное
и синью сумеречной стало:
пастушья флейта отзвучала
и синью сумеречной стала,
Пожухло золото дневное»

Погасшее солнце и отзвучавшая молитва флейты не только сохранили свое бытие в синих сумерках, но и пришли в единство, к таинственной простоте, воздух становится почти осязаемым, в глубине его сияет золото, полнога... Перед нами таинство полноты, таинство «собрания» в единое целое.

Псалтырь читают сердцем. Насколько же должно быть чисто сердце переводчика, который трудится над этим текстом. Как дерзновенно должна звучать не только в тексте перевода, а в нем самом, в его существе, мольба Давида о том, чтобы Бог посетил его и сделал «новой тварью», сотворил обновленное благодатью – «чистое сердце». Какой же целостностью, какой простотой должны обладать его мышление и чувство, чтобы создать новый канон, новую словесную икону Давидовой поэзии, пусть она предназначена и не для богослужебного употребления, а для вдумчивого так сказать, частного, чтения. В том то и дело, что Псалмы невозможно читать как «частное лицо». Как только наше сердце включается в богочеловеческий диалог Псалтыри, мы ощущаем свою причастность к Церкви.

Но вернемся к человеку, который так вдохновенно переводил поэзию XX века и библейское слово. Многим киевлянам памятна его тихая речь, трогательная, почти беспомощная сутулость, вдумчивый, чистый взгляд. В конце выступления в стенах Киевской Духовной Академии он вдруг неожиданно для многих попросил: «Помолитесь о мне, отцы и братья, я многое не понимаю». Это было сказано так искренне, так бесхитро, так просто...

Простота – вообще очень характерна для Аверинцева (и это при том, что его мысль столь симфонична). Многих давних читателей удивляет кристальная ясность стиля «позднего Аверинцева», прозрачность его мысли, ее очевидность, естественность, гармоничность, скажу более: какая-то детская незащитность мысли, ее благодатная «нищета».

Но еще более удивительно, что этот человек так кроток в общении. Христос заповедал нам: «Будьте как дети», и мы видим немало подлинно детских лиц в Церкви. Но каждого, кому доводилось общаться с «доктором филологических наук, академиком Сергеем Аверинцевым» этот человек ошеломлял, а кого и обезоруживал предельной кротостью и простотой. И теперь уже можно, не боясь помешать его духовному деланию, – «поприще свое он совершил» – сказать: «Это был подлинно смиренный человек». Сказать не ради него – при жизни Сергей Сергеевич очень смущался и ежился от похвал, а теперь наши

оценки ему тем более не нужны, а для того, чтобы те, кто помнит кто думает, кто молится о нем сегодня, знали: это не особенность его натуры, не «старческая чудаковатость», не только свойство поэта – быть простым и кротким. Эта библейская простота может сосуществовать только с человеком, который глубоко, подлинно церковен, ее невозможно сымитировать, ее нельзя «заслужить». Это – дар Божий и то, что человек в какой-то мере ему причастен, свидетельствует о том, что он действительно встретил в своей жизни Христа.

Такая же простота была свойственна и другому «беглецу» и «изгнаннику», о котором мы уже упоминали – митрополиту Сурожскому Антонию. Митрополит Антоний по своему смирению всегда просил не называть его богословом и за всю жизнь не написал ни одного «богословского сочинения». (По словам неизменного редактора книг владыки, Елены Майданович, он ничего не «сочинял» и его книги – это произнесенное им слово о Боге). Сергей Сергеевич Аверинцев, который для многих советских и постсоветских гуманитариев был чуть ли не символом «высокой науки», а на самом деле был «всего лишь» честным ученым, всерьез относившимся к тому дару, который вверил ему Бог, в конце жизни, не изменяя свойственной ему строгости во всем, что касается слова и истины, начал писать неожиданные для многих его читателей размышления, в которых глубина мысли соединяется с ранящей сердце простотой. Это не стиль, который можно выработать с помощью интеллектуального усилия или даже благодаря таланту. Эта - морская - прозрачность мысли проявляется только там, где уже случилось чудо явления смысла, Логоса, где человек прикоснулся к тому, что лежит за пределом «собственно человеческого».

Сергей Сергеевич Аверинцев ушел накануне Прощеного воскресенья. И в этом, как и во всем, что творится в мире, есть очень важный смысл. Прощеное воскресенье ему не нужно. Он уже всех простил.

«от всего моего смертного сердца
согласного на истление
Прощаю обидевшим
только кто же меня обидел...»

Ну а нам, тем, кто остался, предстоит дальше идти самим.